

В современной Чехии до сих пор помнят многих своих сограждан, которые находились в плену на Алтае во время Первой мировой войны. Уникальный случай: более ста бывших пленных создали «Барнаульское землячество» в Праге

ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА АЛТАЕ: СКОЛЬКО?

В мае 1915 года немецкий журнал «Иллюстрированная история Европейской войны» сообщил: «В Барнауле находится 5 648 военнопленных, в Бийске — 2 959». По документам Российского государственного военно-исторического архива, на 1 января 1916 года в Барнауле содержались 97 военнопленных офицеров и 4 866 рядовых австро-венгерской армии, в Бийске — 17 военнопленных офицеров и 2 848 рядовых австро-венгерской армии.

В отчете комиссии медсестер Красног Креста Германии, находившейся летом 1916-го в Барнауле, отмечено: «Всего военнопленных: офицеров — 183, рядовых — 2 263. Все — из Австро-Венгрии (за исключением 2 рейхсгерманцев). Лагерь красиво расположен у горы над рекой Обь, здесь прекрасные виды на озера и болотистую местность. Офицеры живут двумя группами: частично в трех кирпичных домах, из которых два раньше служили квартирами для русских офицеров, а третий (где интернировано 30 венгерских офицеров) — это бывшая пекарня, разделенная на три части, находящаяся в большом доме в городе. За исключением здания, занимаемого венгерскими офицерами, офицеры очень хорошо размещены. Они могут повсюду свободно передвигаться в течение всего дня. Но было много жалоб на то, что категорически запрещается открывать окна (только одну форточку). Это создает невыносимую атмосферу в помещении, особенно летом. Так как это предписание главного командования в Омске, то комендант лагеря не может дать разрешение открыть окна под свою ответственность!»

Письмо пленного чеха Вацлава Шаура из Барнаула в Брно. Весной 1917 года пленные чехи еще должны были писать на родную только на немецком языке

Примечательно, что этот опубликованный в том же году в Копенгагене отчет составлялся графиней Александриной фон Икскуль, бабушкой знаменитого по следующей мировой войне полковника Клауса фон Штауффенберга. В 1944 году он пытался при покушении взорвать Гитлера, считая этот шаг решающим для прекращения боевых действий.

СТРОИТЕЛИ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Чехи и словаки как жившие в России до начала Первой мировой войны, так и попавшие в плен во время войны, имели возможность издавать газету на родном языке. В октябре 1915 года газета Чехо-словацкого национального совета в России поместила анонимное сообщение с Алтая:

«Из Барнаула.

На Алтайской железной дороге работает много пленных всех национальностей, среди которых есть и чехи. Все пленные, хотя работают вместе, но делятся на группы по национальному признаку. У чехов

Группа пленных чехословаков, Барнаул, 1916.
В центре — барнаулец прапорщик Александр Залесский.
 Все фото предоставлены автором

несколько отдельных барачков. Некоторые также работают в паровой компании.

Чехи заняты в основном на строительных площадках крупных железнодорожных мастерских, в котельных и на складах станционных построек. Они работают ежедневно при оплате по сдельной работе. Чернорабочие ежедневно получают по рублю. Но бетонщики, слесари, маляры, плотники и другие специалисты получают до 16 рублей еженедельно. В продуктовом магазине за эту зарплату можно получить все в достаточном количестве.

Русские вообще дружелюбны к нам, ценя среди нас хороших работников.

Здесь каждый барак готовит для себя сам. Поварам платят отдельно, и они готовят в соответствии со вкусом обитателей барака.

Все определяется нами самостоятельно: выборы бухгалтера, эксперта по питанию и контролера. Мы не отказываем себе в еде, которая стоит нам всего 30 копеек ежедневно. Больше всего многим нравится свинина с капустой и клецками.

После обеда мы поем и постоянно спорим о политике. Мнения разные, так как не знаем многих новостей. Некоторые не верят, что Австрию разгромят. Некоторые осторожные люди даже боятся высказаться о независимости чешского народа, считая, что это могло бы поставить под угрозу их комфорт. Они забыли, ради чьей воли они пожертвовали всем, рисковали своей жизнью при несправедливости носителей немецкого языка, втянувших их в войну. Некоторые думают, что мы получим автономию только от Австрии. Но есть и другие, которые желают полной независимости.

Люди из смешанных регионов гораздо более решительны в своем национальном самосознании, чем выходцы из чисто чешских регионов. Особенно бледно показывают себя жители Праги, которые традиционно смотрят свысока на окружающих. В тех,

Barnaul, 21/IV (8/IV) 1917.

Gewere Eltern!

Ihre liebe Karte vom 1/II 1917 habe ich eben erhalten. Ich bitte Sie, mir abwechselnd böhmisch und deutsch zu schreiben. — Ich bin gesund und leide keinen Mangel.

Mit bestem Gruss an die ganze Familie

Frantz.

Алоиз Элиаш

кто работал в Вене или Германии, немецкий яд проник очень глубоко.

Немцы здесь, как и везде, горды, уверены в превосходстве германской культуры. Они смотрят на будущее Сибири более практично, чем наши соотечественники, и судят очень оптимистично. Они даже сегодня считают выгодным, что попали в страшную Сибирь, где им в целом сносно и где они могут составить планы для своего будущего предпринимательства. Они этим пользуются!

Чехословак. «Вестник Союза чешско-словацких ассоциаций в России», 10.9.1915, № 14».

Стоит отметить, что привлечению многих чехов на строительство железной дороги на Алтае во многом способствовал пленный чех-инженер Алоиз Элиаш. Во всех биографических справках будущего генерала и премьер-министра оккупированного гитлеровцами «протектората Богемии и Моравии» подчеркивается его участие в строительстве железнодорожной ветки от Барнаула к Бийску. В годы Второй мировой войны генерал Элиаш станет единственным руководителем правительства оккупированной страны, которого гитлеровцы казнят за участие в Сопротивлении. Элиаша расстреляли 19 июня 1942 года в бывшем военном тире в Праге.

БАРНАУЛЬСКИЙ ПОЖАР

В 1916 году вместе с большой группой чехословаков Франтишек Вратислав Штейдлер был направлен в Сибирь, чтобы агитировать

пленных соотечественников за продолжение участия в войне на стороне России. В 1921 году в Праге он опубликовал статью «Барнаульский пожар». Приведем выдержки из нее:

«С 1916 года мы жили в Барнауле формально как военнопленные, а по факту почти свободно. Благодаря Чехословацкому национальному совету в России были созданы особенные, сравнительно большие преимущества для так называемых «подающих надежды» офицеров чехословацкой национальности. Нам разрешали частные квартиры, гражданские костюмы, право на свободное трудоустройство, свободное передвижение по городу и по прилегающему району, ограниченное рабочее время. Был только запрет посещения общественных помещений, предназначенных для развлечений и собраний. Все это, скорее, напомнило нам о сибирской ссылке политических преступников царского режима, а не о жизни настоящих военнопленных. Февральская революция стерла еще больше формальной несвободы пленных, дала возможность даже публичных выступлений нашего хора, оркестра и сокольского спортивного общества. Хотя со временем в очередной раз проявилась враждебность со стороны некоторых русских офицеров с серьезными попытками лишить нас свободы и поместить в общий лагерь для военнопленных. Но положение наше в барнаульском обществе и наши знакомства были уже настолько велики, что все подобные попытки прошли безвредно. Не считая нескольких венгерско-еврейских врачей и медиков, о запретах которым тщетно старались власти, других пленных офицеров в городе нас не было.

Несколько поляков местного лагеря военнопленных тоже были совсем не изолированы и жили под покровительством барнаульской польской колонии. Подавляющее большинство местных чехословацких офицеров были объединены в количестве около 140 человек в Чехословацкую организацию военнопленных. Лишь небольшая группа австрийских лоялистов отказалась от предложенных им уступок и свободы и предпочла быть запертой в казармах.

Темная сторона нашей свободы и особенно проживание на частных квартирах проявилась 15 мая 1917 года во время барнаульского пожара.

Яростное солнце, казалось, хотело наверстать упущенное за долгую сибирскую зиму. В тот день сначала было холодно во всем районе, но с теплым ветром прилетели тучи пыли и песка, они неслись по мосткам улицам города. Это продолжалось с раннего утра с удивительной силой.

Вскоре после 10 часов утра на пожарных вышках прозвучал сигнал тревоги. «Каланча» оповестила барнаульцев о начале пожара, который возник посреди города в деревянной «бане» во дворе дома Быкова на улице Томской. Однако менее чем через полчаса окружающие дома со стороны Соборного переулка между улицами Томской и Бийской уже попали в ловушку. Пожарные части, чья служба была из-за частых пожаров в сибирских городах с подавляющим большинством деревянных домов, даже при большом дефиците технических средств, относительно хорошо организована, тщетно пытались ограничить распространение огня.

Усиливающийся ветер сменился типичным ураганом сибирских степей. Искры и кусочки горящего материала полетели в разные места городских районов, лежащих между Соборным переулком и рекой Обью. Поэтому к полудню все центральные кварталы

превратились в одно море пламени. Огромную скорость, с которой начали гореть деревянные дома по разным сторонам улиц, сопровождал густой дым и нестерпимая жара вместе с клубами пыли, гонимыми ветром по широким улицам. Это делало спасательные работы почти совсем невозможными. Отовсюду слышался только отчаянный крик: «Спасайтесь!» Мебель и легкие вещи, вынесенные на улицы, были предоставлены своей судьбе. Люди, бегущие из горящих домов, могли бежать только в одну сторону — по ветру, к реке Оби. Но даже это можно было делать недолго!

Потеря нескольких минут вела к смерти. Для тех, кто занялся выносом вещей на Сенную площадь, расположенную посреди горящих кварталов, вскоре был заблокирован путь к спасению. На перекрестках всех улиц, ведущих от указанной площади, и особенно на близлежащей улице Сузунской, огненный круг с удушливым дымом и клубящимся песком, рвущийся в разные стороны, принес наибольшее количество человеческих жертв.

На одной только улице Сузунской видны были 20 трупов. Задохнувшиеся люди падали под ноги тех, кто бежал к реке. Летящий горячий материал заставлял погружаться по шею в воду. Подлесок у реки вновь разжег огонь. Портовые сооружения, расположенные

на пришвартованных баржах и понтонах у Барнаульской набережной, которые использовались пароходами, сгорели дотла. Только пароходы успели перейти на другой берег, а все остальные деревянные береговые сооружения, паромы сгорели. Они чернели потом, как опаленные пни и колья.

Говорят, что в тот день погибло более 100 человек, и 350 были ранены и контужены.

Даже на фронте в окопах во время внезапной атаки с артиллерией были мы не в таком ужасном положении, как там, у Оби, когда в отчаянии расстроенные и измученные ситуацией, падали у нас на глаза люди в воду, не в силах бежать дальше, бессильные противостоять страшной стихии.

Кто сохранил жизнь, тот был счастлив. Никто не заботился о сохранении имущества. Русские никогда не придают большого значения пожару, не беспокоятся о вывозе мебели, принимая все с отчаянной покорностью.

«Все напрасно, все равно сгорит», — говорили они.

Лишь в тех кварталах города, что были расположены от Соборного переулка на другой стороне, по старинному опыту готовили спасение имущества от огня. Тамошние жители легко вырыли ямы в песчаной почве во дворах, бросили в ямы самые ценные вещи и засыпали их песком. Это была действительно

**Могила стрелка Степана Храпца
в Барнауле**

Hrob střelce Štěpána Chramce v Barнауle.

Виллем Досталь, пленный лейтенант-инженер погиб 2 (15) мая 1917 года при пожаре в Барнауле

лучшая защита от огня. Ибо вещи, вынесенные на улицу, стали бы все равно жертвой огня, который спалил всю улицу, не исключая даже деревянных тротуаров, или вещи были бы украдены бродягами. Местные военные также получили немалую долю в хищении имущества.

Это был ужасный час. Напуганные жители, потеряв в несколько минут все свое имущество, легко обвинили различных лиц в умышленном поджоге. Не было недостатка в указывающих как на поджигателей и на военнопленных, на тех самых, которые, по иронии судьбы, больше всего работали во время пожара и потерялись многие на частных квартирах, как и русские их хозяева. Стоило только какому-нибудь провокатору бросить несколько слов в разъяренную толпу, и чехословацкие пленные, несмотря на всю их любовь и труд для россиян, могли бы ощутить всю тяжесть ужасного русского «самосуда».

И мы потеряли в тот роковой день немалую часть своих. Лейтенант артиллерии, инженер Виллем Досталь жил со своим другом доктором Карелом Крбмом в доме Марковой, № 36 по улице Сузунской. Эта улица, как я выше упоминал, больше всего пострадала от внезапного порыва ветра, который, казалось, опрокинул весь квартал в удушающую и огненную петлю. Досталь вовремя, без шляпы и с неразлучной виолончелью спасся из уже горящего дома, вытянув одной рукой полуживую старуху

FRANTIŠEK ŠTEIDLER: BARNAULSKÝ POŽÁR

Bylo 15. května r. 1917. Rok ruské revoluce, který tak pronikavě zasáhl do dějinného života celé Rusi a překotnými, velikými změnami z kořene vyvrátil celé ústrojí státní i společenské, přinesl těžkou a katastrofální ránu hlavnímu městu Altajské gubernie v západní Sibíři, Barnaulu.*) Nebyla to však revoluce, ani prvá, únorová, ani druhá, říjnová, jež by snad přespříšší vzrušila toto klidné středisko přebohatého zemědělského kraje a dala mu několik velikých, historických chvil. Obě revoluce přijaty v městě ku podivu klidně — ale byl to ohromný požár, ztrávilší v jednom dni celou bohatší a výstavnější polovinu města, jenž byl pro Barnaul z revolučního roku událostí nejdůležitější.

Žiji jsme tehdy od r. 1916 v Barnaulu formálně sice jako váleční zajatci, ale ve skutečnosti téměř na svobodě, poživajíce zakročením Správy svazu čsl. spolků na Rusi zvláštních, poměrně velikých výhod pro tak zv. „blagonaděžné“ zajaté důstojníky československé národnosti. Soukromé byty, civilní oblek, právo hledati si volně zaměstnání, svobodný pohyb po městě a přílehlém rayonu, omezený pouze úředně stanovenou, ale nepřříšší dodržovanou úřední hodinou a pak zákazem veřejných místností, zábav a schůzí, to vše připomínalo nám spíše sibiřské vyhnanství politických provinilců ruských za carského režimu, než-li opravdové zajetí válečné.

Revoluce setřela pak ještě více naši formálně nesvobodu zajatců, umožnila dokonce i veřejné produkce našeho pře-

*) Barnaul (60.000 obyv.), hlavní město Altajské gubernie, na řece Obi v západní Sibíři. Založen původně v 17. st. jako město horní a byl střediskem hornictví a hutnictví altajských hor, jejichž rudné bohatství náleželo caru. V novější době stal se pouze centrem hospodářským a obchodním, proslulým tržištěm na zemědělské produkty celé gubernie, velmi úrodné a bohaté. Se sibiřskou magistráloou byl spojen odbočkou altajské dráhy. Sídlem gubernijských úřadů se stal teprve za revoluce r. 1917, dříve patřil ke gubern. Tomské.

veckého sboru, orchestru a sokolské „devítky“ a třebaže časem opět se daly se strany některých nepřátelsky vůči nám naladěných ruských důstojníků vážné pokusy zbaviti nás dosavadních svobod a uvésti do společného tábora pro válečné zajatce, postavení naše v barnaulské společnosti bylo již tak pevné a naše známosti tak veliké, že všechna nebezpečí podobného rázu míjela opět neškodně. Kromě několika maďarsko-židovských lékařů a mediků, o jejichž přestěhování jsme se u ruských úřadů marně pokoušeli, nebylo ve městě jiných zajatých důstojníků, než my Čechoslováci a několik Poláků, rovněž od místního zajateckého tábora úplně izolovaných a žijících pod záštitou barnaulské polské kolonie. Velká většina místních důstojníků Čechoslováků byla sdružena v počtu asi 140 v československé zajatecké organizaci.

Pouze malá skupina Rakousku věrných odmítla nabízené jim úlevy a svobodu a dala se raději internovati v kasárnách. Naše svoboda a zejména ubytování po soukromých bytech mělo však také svou stinnou stránku, jak se ukázalo právě 15. května 1917 při barnaulském požáru.

Prudké letní slunce jakoby si chtělo vynahraditi nedávno teprve uplynulou, dlouhou sibiřskou zimu, prahlo toho dne nad celým krajem a žár jeho závodil se silně rozpoutavším se teplým větrem, jenž poháněje nedlážděnými ulicemi města celé mraky prachu a písku, rostl od samého rána s překvapující intenzitou. Brzy po 10. hod. dopolední zazněl poplašný hlas zvonce na hasičských strážních věžích, tak zv. „kalančích“, hlásaje Barnaulcům vypuknutí požáru, jenž povstal as uprostřed města za dřevěné „bani“ (koupele) na dvoře domu Bykova v Tomské ulici. Za necelé půl hodiny chytly však již i okolní domy dotyčné čtvrti na straně Soborného parku (příční uličky) mezi ulicemi Tomskou a Bjižskou. Hasičské sbory, jejichž služba byla pro časté požáry v sibiřských městech s ohromnou většinou

Статья Франтишека Штейдлера о барнаульском пожаре в чешском издании

из квартиры на первом этаже. Но потом он задержался на какое-то время в горнице и оттуда уже не вернулся. Опьяненный дымом, он, видимо, упал на свою железную кровать, на которой мы позже (23 мая) нашли только несколько белых костей, запломбированные зубы и несколько принадлежавших ему мелочей, как-то часы, которые лучше всего сохранились под слоем пепла, металлические пряжки от ботинок и его нож.

<...> Русский представитель при нашем отделении Национального совета прапорщик Залесский тоже сам погорел и спас только старую шинель. Но с истинно русским остроумием он всюду восхвалял чешскую самоотверженность и ставил ее в пример всем

присутствующим русским воинам. С особой благодарностью он вспоминал, как во время пожара чехословаки активно помогли ему и его соседям. И он тепло оценил героизм нескольких наших людей, которые храбро вошли в горящие дома и вывели оттуда маленьких детей.

<...> 26 мая в нашей общей столовой в доме Абдулова на 3-й Алтайской улице мы провели поминки над урной с прахом Досталы. Прекрасные речи сказали братья-легионеры Й. Веселы и Т. Ружичка, вспоминая нашего несчастного товарища. Также несколько простых, но искренних слов Залесский посвятил его памяти. Урна передана нашему чеху-пивовару Побуде, который в 1920 году привез ее на родину и передал семье погибшего».

ИСТОРИОГРАФ ШТЕЙДЛЕР

Франтишек Штейдлер — первый историограф армии Чехословакии. 7 сентября 1914 года он был ранен и попал в русский плен у села Радостовка в Польше. Он прошел несколько лагерей для военнопленных и в Барнауле стал руководителем чехословацкой организации военнопленных. С 1917 года работал сотрудником отделения Чехословацкого национального совета в России. На военную службу поступил добровольцем в 7-й Татранский пехотный полк, который участвовал в захвате Барнаула в 1918 году.

Уже после боя с участием чехов под Зборовом летом 1917 года штаб Чехословацкого армейского корпуса поручил лейтенанту Штейдлеру сбор материалов, на основе которых впоследствии мог быть написан труд по истории Чехословацких войск в России. 1 мая 1918 года он был вызван из Барнаула в штаб Восточного фронта в Иркутск, где начал свою деятельность историком и архивариусом Чехословацкой армии.

Как заведующий историческим отделом штаба войск Чехословацкой республики в России (с 27 июня 1919) издал инструкцию, которая должна была направлять историко-архивную работу в армии Чехословацкой республики в России. Благодаря этому даже в очень тяжелых условиях боев и перемещений удалось собрать многие документы о передвижении чехов и словаков в России. Этот фонд стал основой архива Чехословацкого армейского корпуса в России. Благодаря настойчивой и энергичной работе Штейдлера удалось собрать почти все важнейшие документы о легионах в России, которые впоследствии вошли в состав фондов так называемого «Мемориала Освобождения» в Праге.

Помимо создания архива, Штейдлер также посвятил себя интенсивной журналистской работе, и десятки его статей были опубликованы в «Чехословацком деннике», печатном органе легионов в России. Его научная деятельность началась уже в Сибири, где появились первые главы труда «Чехословацкое движение в России». С ноября 1927 года он председательствовал

в пражском «Барнаульском землячестве/Volné sdružení Barнауlských», состоявшем из 117 бывших пленников Барнаульского лагеря.

АЛЬЖБЕТА ИЗ БАРНАУЛА

Несколько барнаульских женщин вышли замуж за пленных чехов и словаков. Святопук Вайнштейн, родившийся под Брно, взял в жены Елисавету, родившуюся в Барнауле в 1896 году. Она была ровесницей мужу. Елизавета Вайнштейнова, видимо, единственная из наших землячек, которую во время Второй мировой войны гитлеровцы казнили гильотинированием. Альжбету (Елисавету) осудили на смерть за «укрывательство лиц, враждебных рейху». Казнь состоялась 15 июня 1944 года в пражской «панкравцевой рубильне», то есть в той же тюрьме Панкрац, где сидел и написал свой знаменитый «Репортаж с петель на шее» Юлиус Фучик. Елизавета была одной из 155 женщин, казненных гитлеровцами в этой тюрьме.

С 1927 года Елизавета Вайнштейнова была бессменным секретарем в «Барнаульском землячестве». Во время гитлеровской оккупации погибли 38 членов землячества, в том числе чета Вайнштейн.

В оккупированной Чехии подполковник Вайнштейн возглавлял подпольную офицерскую организацию «Защита страны» в Оломоуцком крае. Члены организации собирали оружие и занимались переправкой к союзникам в Англию летчиков для участия в военных действиях против немцев. В ноябре 1939 года Вайнштейн выдал провокатор. Подполковника казнили 29 июня 1943 года в Бреслау. Пражское «Барнаульское землячество» существовало до 1948 года.

В действующей до сих пор тюрьме Панкрац есть мемориальный зал, где в списках казненных содержатся и данные нашей землячки. ❀

**Франтишек Штейдлер,
первый историограф армии Чехословакии**